

ПЕСЧАНЫЙ КОЛОКОЛ

А. Райн

16+

Александр Райн
Песчаный колокол

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Райн А.

Песчаный колокол / А. Райн — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Герман с отличием закончил архитектурный факультет, набил руку и стал настоящим профессионалом в мире искусства. Уже давно центром его вселенной является небольшая гончарная мастерская, в которой он творит и пытается строить бизнес. Каждое новое изделие – это стремление к идеалу. Он придирчив и требователен к самому себе, ведь его цель – быть самым лучшим и самым известным скульптором современности. Мастер не замечает, как на пути к своей цели жертвует всем: любовью, здоровьем, финансами, временем... Фанатик своего дела ждёт лишь признания, и оно приходит... вместе с неожиданным гостем, который предлагает Герману использовать его талант для создания самых необычных и важных в истории скульптур. Так кто же стоит на пороге «Песчаного колокола»?...

© Райн А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Александр Райн Песчаный колокол

Уже около сорока минут Герман неподвижно сидел на табурете. Если бы кто-то увидел его со стороны, то решил бы, что это его очередная скульптура, которую он оставил сушиться перед обжигом. По всей мастерской были разбросаны влажные тряпки, чьими запахами пропиталось всё помещение, включая самого Германа.

Кувшин, что недавно покинул печь обжига, нахально улыбался создателю своей свежей трещиной. Как он мог допустить такую нелепую ошибку? Если бы это увидели люди, что платят по тысяче за мастер-классы Германа, они бы уничтожили его своими отзывами в интернете.

Он отчётливо представлял эти злобные буквы:

«Мастер „бьёт по рукам“ новичкам при том, что свои у него растут из задницы».

И всё в таком духе.

Над кувшином Герман трудился дольше всего, ведь семьдесят процентов цены всей композиции состояло в основном из этого изделия. Набор кружек он слепил за один вечер, даже сложный рисунок был нанесён достаточно быстро, а вот кувшин отнял два дня. Теперь эти два дня были прожиты впустую.

Он не сводил глаз с проклятой трещины и, погружившись в молчаливый траур, не заметил, как в мастерскую зашли.

– Вы его гипнотизируете, что ли? – раздался голос, и это было так неожиданно, что Герман, вскочив, опрокинул табурет. Тот прилёг прямо на ногу посетителя, но мужчина, кажется, даже не обратил на это внимания.

– С ума сошли – так пугать?! – от неожиданности у ремесленника прорезался фальцет. Он держался за сердце, перепутав лево и право, и жадно втягивал воздух ноздрями.

– Я стучал.

– Не слышал, – уже своим хриплым басом буркнул Герман и вернул табурету вертикальное положение. – Мы закрыты, звоните завтра, а лучше – в понедельник.

– Прошу прощения, но мне нужно сейчас, – слова эти не сопровождались нахальным тоном, но сами по себе были крайне беспардонны.

– Сейчас я занят, и у нас по записи, – Герман старался сохранять самообладание, но после выходки кувшина сделать это было крайне сложно.

– Я заплачу Вам, сколько скажете, – произнёс мужчина, но его лоснящийся на свету пиджак, подобные которому надевают разве что охранники в супермаркете, и выпирающий наружу облезлый ремень говорили: «У меня есть ровно столько, сколько это стоит, плюс скидка».

– Нет времени, у меня уборка.

– Я заметил, – мужчина уронил свой взгляд на большую мокрую тряпку, прикрывающую засохшую лепёшку глины на полу. Герман лишь хмыкнул в ответ.

– Вы, насколько я слышал, самый уважаемый скульптор в городе, мне Вас рекомендовали как настоящего профессионала, мастера своего дела, и я позволил себе решить, что свою работу могу доверить только лучшему, то есть Вам. Но раз у Вас нет времени, я, пожалуй, пойду в «Старую вазу», – мужчина развернулся на пятках и шагнул в сторону двери.

– Они тоже закрыты, – слухавил Герман, не желая демонстрировать слабость.

Этот наглец только что сделал две вещи, которые взломали Германа как отмычка – дешёвый замок. Во-первых, он похвалил его, даже не так – он назвал его лучшим. А потом сказал, что другие, кто бы они ни были, тоже считают его лучшим. Подобная похвала всегда действовала на Германа как блесна на голодную рыбу: стоит поманить блестяшкой, и крючок уже

плотно сидит внутри жертвы. А во-вторых, он заговорил о конкурентах, а это был серьёзный удар под дых самолюбию скульптура.

– Я смотрел в интернете, написано, что работают до восьми – как и Вы.

Герман небрежно вытер руки очередной тряпкой и, смахнув с глаз шторку из редких сухих каштановых волос, достал мобильный.

До восьми оставалось ещё полчаса.

– Что там у Вас? – без особого интереса, но уже гораздо приветливее поинтересовался Герман.

– Пустяк, мне нужно вылепить одну фигурку, вот такого размера, – обозначил гость габариты руками.

– Можно поконкретнее?

Герман сделал вид, что вернулся к уборке и ему некогда угадывать мысли.

– Конкретнее: мне нужно слепить голубя.

– Голубя? – снова повернулся скульптор лицом к гостю.

– Голубя, такого, как у Вас на настенных часах нарисован.

Герман глянул на дверь и увидел над косяком кружок старых нерабочих часов с голубями на циферблате.

– И правда, голуби, – странно, что за пять лет работы в этой мастерской он ни разу не обратил внимания на голубей, но это и неважно, – вам свисток, что ли, сделать? – он сложил пальцы в замок и дунул сквозь него так, что воздух резанула слабая трель.

– Нет, мне просто голубя. И размером с голубя, чтобы как настоящий был – с лапками и крыльями, без всяких, – мужчина показал руками свисток.

– Правильно ли я понимаю? Вы пришли сюда за полчаса до закрытия, – клиент кивнул в ответ, – и просите срочно слепить вам голубя?

– Верно.

– И до завтра никак не подождать?

– Нет, боюсь, что завтра уже будет поздно.

– Почему? – Герман не особо хотел знать, ему просто нравилось издеваться над этим странным субъектом, от которого исходил запах прелой сырости и, кажется, формалина.

– Потому что завтра он уже не сможет летать.

– Угу, – ремесленник сделал вид, что понял, а затем схватил треснутый кувшин за ручку и сделал «трёхочковый» бросок через всю мастерскую. Изделие ударилось об угол и, расколовшись на кучу уродливых черепков, ссыпалось в большое мусорное ведро.

– Зачем Вы это сделали? – задал гость вопрос.

Но в его голосе напрочь отсутствовали эмоции. Все слова звучали строго в одной тональности, напоминая плохую озвучку старых кассетных фильмов.

– Потому что это – брак, – отчеканил Герман и продолжил собирать тряпки с пола и рабочего стола.

– Жаль такую красоту. Разве нельзя было починить, замазать?

– Нет, я не занимаюсь ремонтом бракованных вещей. Всё должно быть идеально с первого раза. Больше это не повторится, – набивал себе цену мастер и в то же время давал обещание самому себе.

Он подошёл к гончарному кругу и принялся очищать его от засохшего сырья.

– Вы очень строги к себе, – мужчина не сводил взгляда с Германа, наблюдая за его приготовлениями.

– Если бы Господь был так же строг к себе, то в мире не было бы больных и уродливых детей с хроническими заболеваниями и неправильно сросшимися конечностями, – сказал Герман, не поворачивая головы и продолжая заниматься своими делами.

– Сравниваете себя с Господом? – голос клиента заметно изменился, теперь в нём проклюнулся азартный задор и насмешка.

– Нет, просто привёл Вам пример отношения к работе, – совершенно спокойно ответил Герман и, открыв дверцу верстака, достал оттуда пакет с чем-то красным внутри, а затем звонко шлёпнул его об стол.

– Не думаю, что Господь считает свои создания браком.

Эта тема, кажется, была больной для нежданного посетителя.

– Что ж, у него нет конкурентов, он вправе делать что угодно. Давайте закроем эту тему? Я сделаю Вам вашего голубя и не возьму с Вас больше положенного, – немного раздражённо оборвал философскую дискуссию Герман.

– Жест неслыханной щедрости.

– А Вы взамен оставите мне хороший отзыв на всех сайтах, по рукам? – Герман протянул свою раскрасневшуюся от работы ладонь, и гость пожал её.

Кисть у этого мужчины была омерзительно холодной, даже влажной – должно быть, проблемы с давлением. Герман хотел вытереть руку о фартук, но сдержался.

Он уверенно вскрыл пакет одним движением и вывалил на стол кирпичик красной глины.

– Нет-нет, подождите, – остановил его посетитель, когда в руке мастера блеснул нож.

– Что такое?!

– Мне нужно, чтобы Вы сделали фигурку из моего сырья.

– В каком это смысле – из Вашего?! – возмутился Герман, – я заказываю самую лучшую глину, уж поверьте, мне не нужна грязь с Вашего заднего двора.

Горло Германа садануло возмущение вперемешку с надменностью, но гость никак не отреагировал на эти вибрации в голосе хозяина мастерской.

– Я Вам верю, но мне не подходит Ваш материал, я попрошу всё-таки сделать из того, что принёс я. Поверьте, это самое главное.

«Лучше бы он пошёл в „Старую вазу“», – Герман ругал сам себя за слабость, глядя на свалившегося на его голову психа.

– Ладно, показывайте, что у Вас там за «чудо-глина» такая, – скульптор делал сегодня над собой просто невероятные усилия.

Мужчина холодно улыбнулся краешком рта и достал из кармана пиджака кусок сухой бесформенной глины, что просачивалась через его пальцы и сыпалась на пол. Не обращая внимания на недоумевающего Германа, он достал точно такой же кусок из другого кармана и сложил их оба на столе.

– Это что? – покосился мастер на инородную субстанцию цвета топлёного молока.

– Глина, – совершенно невозмутимо ответил тип и заправил карманы.

– Яс-с-с-но, – просвистел скульптор и, надув впалые щёки воздухом, медленно выпустил его через бантик губ.

Он поставил рядом с собой миску с водой и сгорбился над столом. Какое-то время он молча смотрел в одну точку, не меняя позы и представляя в голове конечный результат. Годы подобных размышлений сказались на осанке мастера, придав его спине профессиональную сутулость. Наконец, цокнув языком, он тронул глину тёплой влагой. Затем Герман потянулся к её сердцу, чтобы сделать ему прямой массаж и оживить на своём операционном столе. На удивление, глина оказалась вполне себе податливой, и тесто привычно переминалось в руках, выдавливаясь между пальцами.

Глина как глина – ничего особенного, даже запах более чем привычный, но чем дольше мастер подготавливал сырьё, там больше ощущал в нём что-то странное. Каждый раз, когда пальцы Германа погружались в размягчённую «плоть» будущего голубя, создавалось ощущение, что глина – это часть самого Германа, его собственная плоть и кровь. Он получал странное незнакомое удовольствие от соприкосновений с ней. А потом он начал слышать голоса. Тысячи

голосов. Сначала это был просто отдалённый шёпот, но чем сильнее мастер давил, тем звонче тот становился, пока не перерос в настоящий хор. Слов было не разобрать – сплошная какофония звуков, но скульптору казалось, что он понимает, о чём идёт речь. Герман закрыл глаза, словно те мешали ему сосредоточиться. Это было похоже на песню на иностранном языке – ты не знаешь, о чём поётся в тексте, но переживаешь всем сердцем, чувствуя, что эти слова были написаны специально для тебя. Герман был возбуждён и взволнован, его дух парил. Тело скульптора то и дело пробивала дрожь, и каждый новый разряд был внезапным и приятным как порыв сырого ветра, несущего грозу жарким летним днём. Сердце неистово колотилось, а волосы на руках и спине вставали дыбом.

Останавливаться не хотелось, но Герман знал, что это нужно сделать, иначе клиент решит, что он ненормальный или, что ещё хуже, – наркоман, которого в данный момент накрывает волна «прихода». Наконец Герман размял глину. Он выдохнул и, как мог, скатал её в сферу. Затем он кинул шар на гончарное колесо и начал медленно крутить, разглядывая со всех сторон.

– А эскиз делать не будете? – прервал молчание посетитель.

– Мне не нужно, это всего лишь голубь. Но если у Вас есть чёткий рисунок, можете дать его мне, и я постараюсь его повторить.

Гость повернул к потолку ладони, показывая, что рисунка у него нет.

– Тогда я буду делать так, как считаю нужным, – с этими словами Герман начал тянуть, лепить, отсекал, резать и стачивать.

Работа заняла около часа. Герман был дотошным до мелочей и каждую деталь старался довести до идеала. Он словно получил вызов от своих конкурентов и доказывал всему миру, что нет смысла сомневаться в его способностях, ведь действительно хорошее качество способен выдать только он один. К тому же эта работа была расценена им как наказание самому себе за кувшин. Он должен был реабилитироваться в собственных глазах.

– Голубь, – оповестил об окончании работы ремесленник, вытирая руки тряпкой. – Вот только Вы всё равно сегодня его забрать не сможете, – сообщил он плохие новости, и в голосе его слышалось лёгкое злорадство.

– Почему?

– Ему нужно сохнуть несколько дней перед обжигом, влага должна полностью выйти, иначе... – он указал взглядом на мусорное ведро.

– Это лишнее, – совершенно спокойно ответил мужчина и подошёл к колесу.

Он осторожно взял голубя в руки и разглядел со всех сторон.

– Это превосходно, – даже бровь не дёрнулась на его лице, и восхищение было настолько сухим, что не вызывало никакой гордости.

– Спасибо, две пятьсот.

– Конечно-конечно, вот здесь три, сдачи не нужно, – протянул клиент новенькие купюры. Затем его рука снова исчезла в кармане пиджака, но на этот раз – во внутреннем.

Герман убрал вознаграждение и продолжил наблюдать за странным гостем. Дальше начало происходить что-то совсем невероятное и жуткое.

Мужчина извлёк из своего пиджака ещё одного голубя, но на этот раз настоящего, только мёртвого. Кажется, у бедолаги был раздроблен клюв. Жестокая смерть – даже для летучей крысы.

Рот Германа невольно открылся, издав губами громкое чмокание. Мужчина, не обращая на это внимания, поднёс птицу к её глиняной копии и, как только два тела соприкоснулись, они тут же вспыхнули ярким белым светом. Герман резко отвёл глаза, боясь ослепнуть. Вспышка продлилась всего несколько секунд. Скульптор проморгался и, убедившись, что по-прежнему зряч, повернулся к кругу. Оба мёртвых голубя были на месте, ничего не изменилось, разве что поделка теперь выглядела так, словно её уже обожгли в печи.

– Что это?.. – он не успел закончить вопрос, как послышался хруст. Паутина трещин медленно расползлась по керамическому голубю, который, судя по всему, обрёл твёрдость. Скульптура трещала и вибрировала, слегка подпрыгивая на столе. Герман готов был поклясться, что сходит с ума. Хвост голубя зашевелился. Медленно его маленькие лапки появлялись из-под отлетающего от кожи слоя глины. А потом голубь вспорхнул и через секунду уже сидел на дверце шкафа в углу. На том месте, откуда он стартовал, остался лишь песок. Птица была как настоящая, вернее, это и был обычный голубь, который живёт в вентиляционных продухах под крышей и гадит на машины возле дома Германа.

– Какого чёрта?.. – прошептал мастер, не сводя глаз с ожившей статуэтки.

– Чёрт здесь ни при чём.

– А кто тогда при чём? Кто Вы такой? Фокусник?! – Герман быстро переводил взгляд с мужчины на голубя, стараясь не упустить обоих из виду. Над ним пошутили, решили выставить дураком. Наверняка где-то здесь спрятался ещё один человек, который снимает всё происходящее на камеру телефона. Скульптор окинул взглядом помещение, но этого не требовалось: мастерская была слишком открытой – все столы хорошо просматривались, за ними было невозможно спрятаться.

– Я – просто клиент, который заплатил за услугу, – флегматично ответил мужчина.

Скульптор нахмурился. Он совершенно не терпел шуток в отношении себя, даже самых безобидных. По взгляду было видно, что он требует объяснений, но ещё больше – извинений.

– Видите ли, я совершил небольшую ошибку, – начал мужчина, и Герман почувствовал облегчение. – Этот голубь не должен был умереть. Я недоглядел за ним, и его тело стало непригодным для жизни.

Герман снова взглянул на мёртвую тушку птицы.

– Ему нужно прожить ещё три дня, а после он сможет обрести покой, – закончил своё нелепое объяснение гость.

– Три дня?! Хотите сказать, что Вы оживили его...

– Это Вы оживили его, – поправил посетитель.

– Да чёрт возьми, неважно! Если он должен был умереть через три дня, зачем его оживать?! И я спрошу ещё раз: кто Вы такой?

Мужчина, понимая, что разговор затягивается, присел на гостевой стул и, закинув ногу на ногу, начал по порядку, всё тем же спокойным размеренным голосом:

– Вы часто произносите это слово: «чёрт». У Вас с ним какие-то проблемы или дела?

Герман не ответил.

– Да, голубь будет летать ещё три дня, пока его время не придёт – таков закон Вселенной. Каждому отведено его собственное время, и я слежу за тем, чтобы всё шло точно по расписанию.

Голубь сорвался с дверцы, и та протяжно скрипнула. Раскидывая по мастерской свой пух и крупички песка, он приземлился на ботинок гостя, который висел в воздухе, и начал клевать его подошву.

– Кто. Вы. Такой? – жёстко повторил свой вопрос хозяин мастерской.

– У меня нет имени, потому что у меня не было матери, чтобы мне его дать. Есть целый список прозвищ, придуманных людьми: Смерть, Костлявый, – здесь он впервые позволил себе лёгкую усмешку, – ещё были: Мара, Хель, Танатос, Осирис и много-много других, которые я не хочу перечислять. Все они неправильно описывают суть моей работы, но в целом схожи по смыслу, а потому – я не обижаюсь. Раз людям так угодно... В общем, Вы можете выбрать любое из этих, какое понравится. Несмотря на то, что некоторые – женские, я не обижусь.

Герман нервно улыбнулся, но слова не лезли наружу, застряв где-то в желудке.

– Хотите сказать, что Вы – Смерть? – иронично хмыкнул скульптор, но это было больше похоже на скулёж.

– Смерть – это переход из одного состояния в другое, я лишь слежу за...

Герман посмотрел на него умоляющим взглядом.

– Хорошо, – поднял мужчина руки кверху, словно сдаваясь на волю невежества. – Я – Смерть. И я рад, что мы с Вами сработались.

– Я... Я тоже, наверное, – ответил Герман, всё ещё сомневаясь в том, что в его мастерскую заглянул кто-то с той стороны мира, что человек называл «загробным». – Признайтесь уже, наконец, Вы ведь шутите, так?

– Я похож на юмориста?

«Вы похожи на моего мастера с архитектурного факультета», – хотел сказать Герман, но в ответ лишь коротко помотал головой.

– А что с этим? – качнул он подбородком в сторону мёртвого тела.

– Ничего, – мужчина наклонился к обездвиженному голубю и махнул рукой.

Та прошла сквозь тело, которое тотчас превратилось в чёрный дым, что шлейфом потянулся за рукой мужчины, а через несколько секунд растворился в воздухе.

– Будем считать, что его никогда не было. Что ж, мне пора идти, огромное спасибо за то, что задержались после работы и сделали для меня эту... кхм, статуэтку, – он встал, и голубь вернулся на дверь.

– Отзывы я Вам напишу самые лестные, не сомневайтесь – они дадут толчок к новым клиентам. У таких мастеров должны быть клиенты – это заслуженно. Единственное, уборку я вам всё-таки советую закончить и проветрить помещение тоже не помешает.

– Подождите!!!

Мужчина посмотрел на Германа, который с трудом перебарывал шок, боясь запутаться в собственных мыслях и словах.

– Вы должны мне всё объяснить! – требовал мастер, который почему-то считал, что им незаслуженно воспользовались в таком серьёзном деле, как воскрешение, пускай и обычного голубя.

Он хотел знать, что это была за чудесная глина и почему этот тип – Смерть, как он сам себя позиционировал, не сделал голубя сам.

– Я должен Вам отзывы на сайтах и две пятьсот, но деньги Вы уже получили, отзывы, кстати, я только что закончил, можете проверить. Всего хорошего.

– Нет! Нет, не всего хорошего, стойте, что за глину Вы принесли? Откуда она?

Мужчина остановился:

– Эта глина из того места, что многие народы называют «царство мёртвых» или «земля мёртвых». Хотя я лично не вижу в этих названиях никакой логики.

– И что, всё вот так вот просто? Слепил из глины голубя, коснулся другим – тем, что умер, и всё? Получается, можно воскрешать мёртвых? Я могу вернуть свою маму? – голос Германа дрогнул от зарождающейся надежды.

– Нет, не можете. После смерти тело держит душу ещё несколько часов, потом она уходит – этот процесс необратим.

– Куда уходит? – Герман заметно огорчился, но интерес лишь возрос.

– Она уходит в это самое «царство мёртвых» и становится там глиной, из которой жизнь лепит новые тела, но этот процесс происходит сам по себе, мы никак не можем на это повлиять – ни Вы, ни я.

– Хотите сказать, что все мы – какая-то глина?

– Человеческое тело не зря называют сосудом. Душа – это то, чем сосуд наполнен. Согласитесь, что делать сосуды из глины куда проще, чем, скажем, из стекла или пластика. К тому же этих материалов не было сто веков назад. Честно говоря, все тонкости мне неизвестны. Я лишь слежу за тем, чтобы всё шло по правилам, остальное меня мало интересует.

– Но это невозможно! Тело формируется в утробе матери! Оно состоит из плоти! – не унимался Герман, крича в спину уходящему мужчине.

«Это всё какой-то бред», – крутилось в голове Германа.

Тут под потолком пролетел голубь, сбросив на плечо мастера грязный «снаряд».

Герман открыл дверь нараспашку и, выбежав в поздний осенний вечер, крикнул на всю улицу: «Эй, вы забыли птицу!» Но не застав адресата своего сообщения, принялся самостоятельно выгонять голубя наружу. Тот никак не хотел покидать место своего воскрешения. Но Герман был не намерен оставлять проклятую птицу в своей обители, и спустя минут десять голубь уже топтался на тротуаре, набивая желудок разогретой за день асфальтной крошкой и бог знает чем ещё.

Скульптор последовал совету необычного посетителя и принялся наводить порядок в мастерской, раскрыв нараспашку все окна. Официально уборка проходила в помещении, но на самом деле Герман разбирался в своей голове, раскладывая мысли по полкам. Он закончил в третьем часу ночи, и результат радовал взгляд. Правда, в голове по-прежнему творился бардак. Хорошо, что хоть мастерская приняла божеский вид. Жаль, что эта чистота продержится лишь до следующего мастер-класса, которые Герман организовывал каждые два дня.

Ночью скульптору приснились голуби. Он был одним из них, но при этом – чужаком, что постоянно пытался прибиться к стае. Пернатые собратья его не пускали, грозно вскидывая кверху крылья и распушая хвосты, потому что Герман был слеплен из глины и жутко пугал свою родню.

Весь следующий день Герман занимался кувшином. Он должен был сдать композицию до конца недели, иначе придётся отвечать за полученный аванс. К тому же заказчик был иностранцем, скульптор был обязан переправить своё имя через океан вместе с этим набором для вина.

Воодушевлённый отзывами, которые оставил на всех сайтах тот, кто называл себя Смертью, Герман закончил работу за один день. Его похвалил, пожалуй, самый требовательный человек в истории, если, конечно, его можно назвать человеком. Это воодушевляло. Правда, Герман не был уверен в том, что у Смерти были особые требования – он принял поделку слишком легко. Возможно, глина доделывала всё сама и ей неважно, что мастер мог допустить некоторые неточности или ошибиться с габаритами и природным рисунком на теле птицы. Возможно, важны были только контуры и размеры, но Герман решил всё-таки, что всё дело в его мастерстве. Именно поэтому голубь получился таким замечательным. Он не мог допустить ошибок, кто угодно, но только не он.

В воскресенье мастерскую заполнила толпа «вшивых». Именно так мастер называл людей, которые вели здоровый образ жизни, вследствие чего у них постоянно чесались руки слепить себе кривую кружку, нарисовать отвратительный натюрморт и изнасиловать гитару своим стремлением к творчеству.

Он терпеть не мог учить и объяснять основы тем, кто не собирался углубляться в суть искусства. Люди бесили его своими неудачами и смехом, который эти неудачи вызывали, но при этом касса приятно разбухала от наличности. Иногда такие курсы и мастер-классы приносили дохода больше, чем сами изделия. Герман натужно улыбался и старался быть максимально терпеливым, но часто срывался, за что имел в народе репутацию зануды, но к нему всё равно шли. У Германа было дёшево, и сам скульптор считался достаточно сильным профессионалом, пока несколько лет назад не открылась «Старая ваза». Она значительно проредила толпы клиентов, Герману пришлось выпускать различные скидочные купоны и даже устраивать розыгрыши бесплатных часов посещения. Но сегодня проблем с народом не было.

Безвкусные кружки, тарелки, горшки, простейшие фигуры негабаритных животных и людей быстро заполняли столы и полки мастерской. И им не было конца. Люди дуром пёрлись

с самого утра, и это было так же прекрасно, как и ужасно. Шум и толкучка в тесном помещении раздражали и мешали сосредоточиться, но всё можно стерпеть, когда пальцы касаются денег.

Только за сегодняшний день Герман собрал больше, чем должен был получить за набор из кувшина и кружек, но ближе к вечеру голова и руки были совсем обескровленными от усталости. Он делал длительные перекуры, и многие посетители покидали мастерскую, так и не дождавшись своей очереди.

В тот же вечер пришёл Он. Осирис, – так всё-таки решил называть странного гостя Герман, – был в том же костюме и с тем же безразличием на лице. Он пришёл незаметно и затесался в толпе студентов. Герман завидел его не сразу – лишь когда кто-то из толпы обратился к мастеру, Герман заметил на себе этот холодный взгляд и, прослушав суть задаваемого вопроса, просто кивнул в ответ парню, который позвал его.

– А когда можно записаться? – снова раздался надоедливый голос, который вывел Германа из ступора.

– Что? – переспросил он у лопоухого юноши с таким сальным лбом, что тот отбрасывал солнечные зайчики.

– Когда можно будет записаться к Вам в подмастерья? – повторил он.

– Я не беру подмастерьев, – брезгливо бросил Герман.

– Но Вы же только что кивнули, когда я спросил об этом, – не унимался паренёк.

– Я не расслышал вопроса. Простите, но ученики мне не нужны.

– Очень жаль, Ваш талант нужно передавать молодому поколению. Сами понимаете, время мастера не вечно, – совершенно спокойно произнёс Осирис, и Германа тут же прошиб сильнейший озноб.

Вся спина и руки его покрылась гусиной кожей, словно в помещение проник январский сквозняк.

Голос мужчины в чёрном пиджаке, казалось, расслышал только сам Герман, потому что никто не обратил внимания на этот странный и жуткий комментарий. Эти слова так напугали и озлобили мастера, что, запутавшись в собственных эмоциях, он сам не заметил, как выдал вслух следующее:

– Пусть заканчивают институт как все нормальные люди, а не лепят всякую фигню, из которой не то что пить или есть, но и другим показывать стыдно.

А вот этот комментарий расслышали абсолютно все. В воздухе повисло неловкое молчание, и только звук монотонно крутящегося гончарного колеса царапал слух.

Люди молча покидали мастерскую – один за другим. Герман хотел было извиниться, но понял, что словами сейчас можно всё сделать только хуже. Спустя пять минут в мастерской остались только он, Осирис и ещё несколько человек, которые пропустили всё мимо ушей.

– Зачем же Вы так сурово? – нарушил тишину мужчина в пиджаке. – Теперь о Вас оставят кучу негативных отзывов.

Герман лишь пожал узкими плечами. Сейчас его волновал совершенно другой, более острый, вопрос.

– Почему Вы сказали, что время мастера не вечно? Мне что, скоро на покой? – не обращая внимания на других людей, словно те были парой залётных мух, произнёс скульптор.

– Ну как Вам сказать, – Осирис постучал себя по карманам и, обнаружив в одном из них то, что нужно, извлёк это и поставил на стол.

– Песочные часы?

– Да – Ваши. Показывают, сколько Вам осталось.

Герман замолчал. Он словно почувствовал невидимую руку, сдавливающую горло. Во рту так сильно пересохло, что он открыл его и начал ловить воздух, но тот не хотел проникать внутрь и лишь издавал хлопающий звук в дрожащей глотке.

Люди, что ожидали продолжения уроков, наконец поняли, что происходит какая-то ерунда, и, не потребовав назад свои деньги, быстро вышли прочь.

Герман не сводил взгляда с маленьких стеклянных часов. Подумать только, вся его жизнь умещалась в обычном кармане. Песок в часах сыпался медленно. Тонкой, практически невидимой, струйкой. Чтобы рассчитать количество лет, потребовалось бы немало времени, но, судя по наполненности стеклянного сосуда, у Германа была примерно половина от общего количества. От осознания этого он протяжно выдохнул. Хватка на горле ослабла.

– Что Вам? Снова голубя слепить? – обиженно произнёс Герман, чувствуя вину гостя в том, что произошло с учениками.

– Нет. На этот раз я к Вам с деловым предложением.

Герман попытался скопировать безразличное выражение Смерти, но у него это выходило слишком наигранно.

– Видите ли, Вы – не единственный мастер, к которому я обращался. На протяжении всего времени сотни людей помогали мне сохранять баланс между жизнью и смертью. Последний скульптор, с кем я работал, умер буквально вчера. Он прожил достойную и светлую жизнь. Я был безгранично щедр с ним, и, благодаря нашей сделке, этот человек занимался исключительно любимым делом и ни в чём никогда не нуждался. Он творил. Творил не просто сложные и красивые фигуры – он творил саму жизнь. Вы понимаете, о чём я. Вы сами попробовали сделать то же самое.

Герман слушал очень внимательно. Каждое слово его гипнотизировало и рисовало в голове различные картины и пути, куда этот разговор мог привести.

– Мне нужен новый мастер. Вы подходите идеально, – наконец подошёл к сути тот, кого люди именовали «старуха с косой».

– Я? Лепить тела для воскрешения?

– Именно так. Машина жизни не идеальна, и часто случаются всякие конфузы, за которые я в ответе. Но я – не скульптор. Я – не создатель и не имею права уродовать ту оболочку, что была дана существам богом.

– То есть бог существует?!

– Этого я, к сожалению, точно сказать не могу. Мои знания и возможности небезграничны. У меня есть лишь мои обязанности, и я строго выполняю их. Таковы были условия моего появления на свет. Вас, правда, всё это не касается.

Герман задумался. Мир за окном медленно терял яркость и цвета, погружаясь в ночь. Он взглянул на часы собственной жизни и явственно ощутил, что она тоже идёт к неминуемому закату, который гораздо ближе, чем иногда кажется. Вот он, прямо перед ним, его собственный секундомер. Это было гадко – вот так вот ставить перед ним часы, но дело сделано, и теперь Герман лишний раз убедился, что он смертен. Или нет?

– Какой смысл в богатстве, если нельзя жить вечно?

– Разве мало прожить то, что отведено, занимаясь исключительно любимым делом и получая за это хорошие деньги? Никаких больше мастер-классов, никаких привередливых клиентов – только Вы и Ваши скульптуры, которые оценит само мироздание.

– Это очень здорово. Уверен, что такая жизнь прекрасна, но она закончится рано или поздно, а если верить Вашим часам, то, скорее, рано, – он боялся глядеть на струящийся песок, но, сделав над собой усилие, снова стрельнул глазами туда, где медленно заканчивалась его жизнь.

– Но зачем Вам жить дольше?

– Чтобы совершенствоваться, – Герман произнёс это твёрдым как сталь голосом, словно это была непоколебимая истина.

– Вы хотите стать лучшим скульптором всех времён и народов?

– Почему бы и нет? Потому что гордыня – это грех? Разве это кому-то навредит? Да, я этого хочу!

– А вам? Не навредит?

– Мне хорошо только тогда, когда я творю, – несмотря на пафосные слова, он произносил их так неистово и горячо, что воздух вокруг становился тяжелее. – Я посвятил этому всё своё время и отдал очень многое за возможность совершенствоваться.

От каждой фразы голос его немного вздрагивал, он делал небольшие паузы, чтобы дать прочувствовать гостю всю сочность слов:

– Поверьте, я готов творить вечно. Но Вам не понять, Вы же – всего лишь служитель времени и сроков.

Последние слова, по мнению Германа, должны были оскорбить Смерть, но тот никак не изменился в лице.

Снова повисло молчание, которое прервалось голосом гостя:

– Значит, хотите быть бессмертным?

Тут сердце Германа застучала как-то неровно. Это слово – бессмертие – оно пробежалось по всему его телу мелкой колючей дрожью. Он попробовал его на вкус. Беззвучно произнёс, размыкая и смыкая губы. Оно было прекрасным, самым сильным словом из всех, и Герман ощутил лёгкую эйфорию, услышав это слово от самой Смерти.

– Да, было бы здорово стать бессмертным...

– Я не могу дать вам вечную жизнь, – быстро отрезвил его Осирис, забив эти слова, словно ржавые гвозди, в самое сердце Германа, хоть тот и не предполагал другого ответа. – Но мы можем заключить договор. Скажем так. Всегда можно сделать одно исключение из правил, тем более что у меня есть постоянная потребность в Ваших услугах. Да, пожалуй, есть один вариант, – его лицо приняло задумчивый вид. Указательным пальцем Осирис бил себя по челюсти, словно проверяя, на месте ли зуб.

Герман терпеливо ждал продолжения, чувствуя себя ребёнком в магазине игрушек, который вот-вот услышит от родителей заветные слова: «дайте нам вон ту машинку», и боясь спугнуть этот миг.

Смерть, сидевший напротив Германа, внезапно застыл. Его грудь не вздымалась от дыхания. Палец повис на половине пути к челюсти. Веки не смыкались, а зрачки не бегали по своему белому полю с красными уголками возле переносицы. Герман не знал, что делать и как себя вести. Он осторожно, чтобы не обидеть собеседника, помахал рукой, позвал его голосом, но гость никак не отреагировал. Герман ощущал себя ужасно неловко, но оставался на месте, надеясь, что это скоро закончится. Прошло несколько минут, прежде чем Осирис снова начал двигаться.

– Я всё узнал. Вы можете сделать себе новое тело и, как только Ваша жизнь подойдёт к концу, Вам будет позволено занять его. Новое тело – новый срок.

Герман снова подумал, что его разыгрывают. Только что это было невозможно, и вот Осирис говорит о новом теле и новом сроке, о продолжении жизни, о вечности...

– Вы ведь не?..

Мужчина коротко мотнул головой.

– Я смогу слепить себе новое тело? Какое захочу? Ещё лучше прежнего?

– А это имеет значение? Я думал, что вас интересует лишь время.

– Да – время и возможность творить. Но ведь создание самого себя – это тоже искусство, и оно требует самой большой отдачи, – Герман чувствовал, что голос его дрожит, но не мог сдержать радость.

Это был великий дар, и он был готов на всё что угодно, на всё...

– Я согласен!

Не в силах сдержаться возбуждения, скульптор вскочил с места и начал ходить туда-сюда по мастерской, перебирая в голове варианты собственной оболочки.

– Рад, что Вы так скоро согласились, но есть ряд условий.

– Каких ещё условий?!

Мир Германа в данный момент был похож на карточный домик, и любое «но» воспринималось как порыв грозного ветра.

– Если я даю Вам заказ, Вы должны немедленно выполнять его, а не продолжать работать над собственной фигурой или чем-то другим.

– Безусловно! – обрадовался Герман.

Того песка, что находится в часах, хватит на десятки собственных скульптур помимо других – он всё успеет.

– Я не буду платить Вам, раз вы выбираете другую валюту, а это значит, что вам придётся самому разбираться со своим финансовым положением.

Тут Герман задумался. Получается, что загруженность его увеличится в несколько раз, но деньги будут те же самые, а скорее всего, и меньше, так как времени будет не хватать. Но, с другой стороны, он всегда может урезать свои расходы – это малая плата за дополнительную жизнь.

– Это всё? – спросил скульптор, сгорая от нетерпения и надеясь не увидеть перед собой список требований.

– Вы сами будете добывать сырьё для своей скульптуры. Я вам помогать в этом не стану.

– А что, с этим какие-то проблемы?

– Нет. Проблем никаких. Вся глина находится в одной бескрайней пустыне, куда я перенесу вас одним щелчком, – он щёлкнул пальцами для убедительности. – Там Вы можете собирать её столько, сколько захотите, и сможете унести, но собирать глину можно лишь раз в сутки и на сборы Вам будет даваться только одна минута – ни мгновением больше. Потом Вас автоматически выбросит назад. Инструменты брать нельзя, как и сумки, рюкзаки, мешки и любые посторонние предметы. Только предметы одежды. Для сбора можете использовать карманы.

Герман вдруг вспомнил, как Осирис достал из карманов пиджака два куса сухой глины.

– Почему так? Что за дурацкие правила?!

– Правила придумал не я. Я лишь Вам их озвучил. Для своих скульптур я сам соберу необходимое количество глины. Ну что, по рукам?

Герман потянул было вспотевшую пятерню, но тут же отдернул её назад, словно боясь обжечься о только что вскипевший чайник.

– Мне нужно подумать.

Не в силах скрыть вселенскую тоску в своём голосе, Герман попросил отложить вопрос до завтра. Нисколько не возражая, Осирис молча покинул мастерскую, оставив на её стенах, полу и потолке налёт хрупкой надежды и жирный слой отчаяния.

Герман не смог принять решение за вечер и, водрузив на стол для раздумья литровый кофейник и коробку шоколадных конфет, встретил первую бессонную ночь за последние три года.

«Много ли глины унесёшь в кармане и на руках?» – этот вопрос заставил скульптора вспомнить школьную программу. Он пытался высчитать объём одного кармана, затем прикидывал общую площадь фигуры, предугадывал, сколько будет обрезков:

– Нет, никаких обрезков и излишков – всё в дело, – бубнил он, обращаясь к настольной лампе.

«Теоретически, если ходить за глиной каждый день, набивать ею все карманы и заодно нести в руках, то за полгода можно управиться с черновой версией».

Герман даже не рассматривал вариант – лепить чистовик сразу. Он должен сделать несколько скульптур, чтобы был выбор, которого ему не дали при рождении. Теперь-то он сам

решил проблему плоскостопия, изменит ненавистную ему форму колен, выправит таз, сделает колесом впалую грудную клетку, уменьшит лоб и расширит лисьи глаза, доставшиеся ему по наследству от отца. Но больше всего Герману хотелось победить хроническую худобу, что, как уродливый шрам, напоминала о том, что он давно предан только работе и своим изделиям. Такие вещи, как сон, еда и свежий воздух, терялись по тёмным углам, заседали в мешках под глазами, таились в ранних морщинах на ещё достаточно молодом лице, а находились лишь тогда, когда мастер чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он был сухим как лавровый лист и каждый раз, взглянув на себя в зеркало, понимал, что с этим нужно что-то делать, но шли годы, а Герман продолжал усыхать, как забытая на столе корка хлеба. Пожалуй, он даже может сделать три достойных копии, затем выбрать наилучшую и довести её до идеала.

Это будет несложно. Герман сотворил десятки человеческих скульптур – и не только из глины. Он отлично справлялся с камнем, деревом и даже пробовал работать с бетоном. «Нет плохого материала – есть плохие руки», – часто вспоминались ему слова мастера с архитектурного факультета, которого Герман боготворил и ненавидел одновременно.

Но оставался ещё один вопрос, самый главный — то рабство, на которое его обрекает договор со Смертью. Герман ненавидел себя за слабость. Он так легко поддавался на все эти правила, ослепнув от собственной жадности. А ведь он был принципиальным до боли в зубах. Да, Герман работает по заказу. Он потакает всем требованиям и капризам клиента, меняет формы или переделывает рисунок изделий, даже вопреки собственному мнению, но он – не слуга своих заказчиков. Он способен отказываться от сделки независимо от цены или статуса человека в обществе. Если Герман не хочет, никто не смеет его заставлять, ведь в своей мастерской он — царь и бог. Подобная свобода многого стоит, и он отдал за неё слишком много. А теперь ему предлагают добровольно надеть на себя поводок, и, если хозяин прикажет лаять, Герман будет лаять, хотя, признаться, не без удовольствия. Награда была невероятных размеров, но и цена — велика. Он просидел до самого рассветного зарева, взвешивая все за и против, но это было лишь показательное размышление. Герман всё решил ещё в самом начале. В действительности эта ночь была поминками по его принципам и тем идеалам, что он для себя определил много лет назад.

Утром Осирис пришёл точно к открытию, и Герман уже ждал его, облачившись в плотную джинсовую жилетку с кучей открытых карманов на молнии, которые напоминали голодные рты.

– Я смотрю, Вы подготовились, – произнёс Осирис вместо приветствия.

Внешний вид Германа и острая уверенность в его взгляде, о которую можно было порезаться, говорили о том, что мужчина сделал над собой титаническое усилие и лишних вопросов задавать не следует.

Осирис подошёл ближе, и Герман заметил в его руках зонт.

Он хотел было сказать, что погода чудесная и дождей не обещают, но потом вспомнил, что они направляются в пустыню, и решил, что Осирис просто хочет укрыться от солнца, пока Герман собирает сырьё. Когда он подумал о пустыне, то понял, почему выбрал именно такое имя для нового знакомого. Осирис, пустыня, земля мёртвых – кажется, всё сходилось и было вполне созвучно.

Герман молча протянул руку Осирису и тот сжал её. Договор был заключён без слов.

– Как будем перемещаться?.. – Герман не успел договорить, потому что стены мастерской исчезли. Без всякого предупреждения или шумового сопровождения. Бац – и всё. Нет никакой мастерской, нет оплаченного им электрического света, нет потолка над головой и обшарпанного паркета. Только бескрайние пустые земли до самого горизонта и хмурое грозное небо, с которого на землю летели холодные капли. Осирис отпустил руку Германа и распахнул зонт.

Шокированный такой резкой сменой обстановки скульптор не шевелился.

Лишь громкий и внезапный взрыв заставил его выйти из ступора. Это был гром. Небо ударило в свой колокол, и в ушах зазвенело.

– Советую поторопиться, – голос Осириса прозвучал глухо, как клавиша расстроенного пианино. Мужчина постучал пальцем свободной руки по запястью другой, где обычно висят наручные часы. Намёк был ясен. Оглядевшись по сторонам, Герман понял, что требуется делать, и, упав на колени, впился в землю своими короткими ногтями, которые постоянно стриг перед работой.

Несмотря на прохудившееся небо, земля под ногами была сухая и жёсткая. Герман вхолостую царапал верхний слой, как царапает кот линолеум, пытаясь скрыть свои «следы». Постепенно глина начала отслаиваться, и как только скульптор погрузил пальцы чуть глубже, то снова услышал их.

Голоса разнеслись громким эхом по всему его сознанию, но вот радости он не испытал. Герман жадно наполнял глиной голодные рты отяжелевшей от дождя куртки и почему-то ощущал себя вором. Гадкое чувство скручивало в узел кишки, но он не останавливался. Всё это происходило совершенно не так, как он представлял себе изначально. Это был адский и наименее приятнейший труд. Но больше всего раздражал совершенно бесполезный дождь, который, по всей логике, не должен был вообще идти в пустыне. Минута, казалось, длилась вечно, но карманы при этом набивались неохотно и требовали добавки. Не привыкшие к такому ногти молили о пощаде, но Герман продолжал рыть. Он чувствовал, что подобная работа унижает его как профессионала, но цель не давала остановиться. Скульптор остервенело погружал пальцы в землю и, рыча от усталости и злости, тащил её на себя, оставляя на поверхности еле заметные борозды. Так продолжалось до тех пор, пока он в очередной раз не погрузил пальцы по вторую фалангу в землю и не потянул на себя. Когда тонкие костяные грабли вышли наружу и Герман потянулся, чтобы собрать самую большую порцию драгоценного материала, он вдруг понял, что колени его больше не упрутся в жёсткую почву, а проминают под собой доски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.